

Литвинко Михаил Васильевич

Litvinko Mikhail Vasilyevich

аспирант Кубанского государственного университета

PhD student, Kuban State University

**МИТРОПОЛИТ ГУРИЙ (ЕГОРОВ)
В ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
И СОВЕТСКИХ ВЛАСТЕЙ
НА УКРАИНЕ В СЕРЕДИНЕ 1950-Х –
СЕРЕДИНЕ 1960-Х ГГ.**

**METROPOLITAN GURIY (EGOROV)
IN THE HISTORY OF RELATIONS
BETWEEN RUSSIAN ORTHODOX
CHURCH AND SOVIET POWER
IN UKRAINE IN THE MID-1950S –
MID-1960S**

Аннотация:

Статья посвящена проблеме церковно-государственных взаимоотношений на Украине в середине 1950-х – середине 1960-х гг. на примере персональной истории митрополита Гурия. Выделены два этапа церковно-государственных отношений в обозначенный период. На первом этапе (1954–1958) имела место относительно компромиссная модель развития этих отношений, которая способствовала активному возрождению религиозной жизни в украинских епархиях. На втором этапе (1961–1965) митрополиту Гурию пришлось вести напряженный диалог с властями, отстаивать интересы Русской православной церкви, примеряться к условиям изменяющейся государственной конфессиональной политики. Владыка Гурий как руководитель епархии отстаивал православные традиции в Восточной Украине. Его заботило обеспечение епархии кадрами священства, ориентированного на созидательную деятельность Московской патриархии. Несмотря на противодействие местного уполномоченного и городских, советских и партийных властей, митрополит Гурий всячески пытался повысить образовательный и профессиональный уровень благочинных, на которых он возлагал особые надежды в воспитании приходских священников и настоятелей. Гурий активно противостоял нападкам на епархиальное ведомство, аргументировал свою позицию и разоблачал надуманные доносы достоверной информацией.

Ключевые слова:

церковно-государственные отношения на Украине, религиозная жизнь, уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви, верующие, Днепропетровско-Запорожская епархия, персональная история, историко-антропологический подход.

Summary:

The article deals with the problem of church-state relations in Ukraine in the mid-1950s – mid-1960s by a case study of the personal history of Metropolitan Guriy. There are two stages of church-state relations in the above-mentioned period. In the first stage (1954–1958), a compromise model of these relations development took place and made it possible to develop activities in the revival of religious life in the Ukrainian dioceses. During the second stage (1961–1965), Metropolitan Guriy had to conduct an intense dialogue with the authorities, defend the interests of the Russian Orthodox Church, and adapt himself to the changing environment of state religious policy. Bishop Guriy as a head of the diocese defended Orthodox traditions in Eastern Ukraine. The involvement of clergy in the diocese activity focused on the constructive activity of the Moscow Patriarchate was of his great concern. Despite the opposition of the local commissioner and city, Soviet and party authorities, Metropolitan Guriy tried his best to improve the educational and professional level of deans. He counted on the latter educating the parish priests and pastors. Guriy actively fought against the diocesan department, explained his views, and revealed the flimsy denunciations by means of reliable information.

Keywords:

church-state relations in Ukraine, religious life, Commissioner for the Russian Orthodox Church Affairs, believers, Dnepropetrovsk and Zaporozhye Diocese, personal history, historical and anthropological approach.

Привлекательной особенностью новейшей историографии церковно-государственных отношений в СССР в 1950-е гг. представляется стремление ряда авторов уйти от крайностей советской и зарубежной литературы послевоенного периода. Так, заслуживает внимания подход профессора Вашингтонского университета С. Рамет (S. Ramet), которая определяет послевоенный период взаимоотношений Русской православной церкви и властей в СССР как «фазу стабилизации коммунистической модели», когда Церковь оказалась в положении, подчиненном «интересам все более технократической элиты» [1, р. 21]. Перспективность подобных подходов особенно заметна через призму историко-антропологического подхода, основанного на сохранении равновесия «между специфичностью частной судьбы и совокупностью общественных условий» [2, р. 1330]. В статье предпринята попытка исследования церковно-государственных отношений в Советской Украине во второй половине 1950-х гг. на примере деятельности архиепископа Гурия (Егорова).

Владыка Гурий (Егоров Вячеслав Михайлович) (1891–1965) – видный церковный деятель, который своими подвижническими трудами способствовал сохранению православной веры и Церкви в Советском государстве. В 1954 г. архиепископа Гурия, согласно его прошению, перевели в Чернигов с титулом Черниговского и Нежинского [3, с. 3]. Это была эпоха, когда разворачивав-

шийся процесс оттепели позволял расширить духовную жизнь, благотворно сказавшись на положении Церкви. Вышли на свободу выжившие в лагерях священнослужители. Борьба двух противоположных точек зрения в партийном аппарате, выжидательная позиция государственных органов, реформа системы госбезопасности предоставили Совету по делам Русской православной церкви возможность действовать самостоятельно. Его председатель Г.Г. Карпов считал, что в условиях потепления общественной жизни необходимо предоставить Церкви больше свободы [4, с. 359].

Используя открывшиеся возможности, архиепископ Гурий развернул активную церковную деятельность. Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви по Черниговской области дает следующую характеристику личности владыки Гурия и его деятельности на Черниговской кафедре: «Архиепископ Гурий – человек большой эрудиции, всемерно развит. Сам ведет каталог и следит за пополнением его как художественной, так и научной литературой. Систематически выписывает журналы и газеты. Всегда в курсе дел современных событий. В проповедях призывает верующих к любви к ближнему, любви к Отечеству. Духовенству разъяснял миролюбивую политику нашего правительства и роли церкви в этом вопросе, патриарха и митрополита Николая Крутицкого. Архиепископ Гурий активизировал церковную деятельность в Черниговской области. При его управлении много было рукоположений – до 50. Он уделял много внимания художественному оформлению церковных служб – призывая благочинных к тому, чтобы они внушали духовенству обращать внимание на благолепие храмов – приведение их в надлежащий вид как снаружи, так и внутри – обновление живописи, украшение занавесями, цветами, создание хороших церковных хоров. На спевках хора кафедрального собора города Чернигова несколько раз присутствовал лично и давал свои замечания. Его управление характеризовалось тем, что в основном церковные помещения области капитально отремонтированы и приведены в хорошее состояние» [5, л. 12–13].

Уполномоченный сообщал также, что Гурий «пышных выездов с церковным причтом не совершал, но много делал выездов по своей епархии с целью, как он говорил, ознакомления с епархией. Ездил сам без предупреждений, не совершая церковных служб, но имели место и выезды с совершением архиерейской службы – в Нежинском, Прилукском, Коропском, Бобровицком районах... Отзывы благочинных о Гурии такие: “архиепископ Гурий тактичный, прост, внимателен и справедлив в обращении. Хороший духовник, умный человек”» [6, л. 13–14].

В Чернигове были прекрасный Спасо-Преображенский собор (постройки XI в.), женский монастырь и другие не менее красивые церкви. После войны в Чернигов вернули мощи святителя Феодосия, архиепископа Черниговского, которые до войны находились в Ленинграде в Исаакиевском соборе-музее. В Чернигове владыка Гурий каждое воскресенье читал акафист святителю Феодосию у его мощей [7, с. 232–233].

В октябре 1955 г. архиепископа Гурия (Егорова) перевели в Днепрпетровск с титулом Днепрпетровского и Запорожского [8, с. 3]. Тогда эта епархия была еще самостоятельной, впоследствии она стала приписной и была отдана в управление Крымского архиерея. Среди духовенства и верующих Черниговской области Гурий пользовался большим авторитетом, и те и другие выражали сожаление по поводу его выезда из города Чернигова. Прощальная церковная служба архиепископа Гурия в кафедральном соборе Черниговской епархии проходила при большом стечении молящихся. Многие прослезились, прощаясь с ним.

На новой должности владыка Гурий много сил уделил организации росписи в Днепрпетровском соборе и строительству. Он старался сделать Троицкий кафедральный собор в городе Днепрпетровске центром религиозной жизни епархии. Как сообщал уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви в Днепрпетровской области, «правлящий архиепископ Гурий все время старается держать его в состоянии показного, с этой целью на его ремонт и благолепие ежегодно тратятся колоссальные денежные средства» [9, с. 141]. И далее: Гурий «с особым удовольствием рассказывает, что в соборе после войны внутренность его была закрашена меловой краской с грубыми яркими орнаментами и стенной живописью доморощенных живописцев, во время праздничных служб эта краска осыпалась, как снег, на головы молящихся. Под руководством Гурия эти краски в соборе сняты, в результате обнаружили прекрасные орнаменты, стенная живопись... Все, что он сделал в соборе, напоминает новгородские фрески. Храм выглядит в праздники очень парадно» [10].

Архиепископ Гурий вел активную проповедническую деятельность. Некоторые его проповеди были записаны и дошли до наших дней [11]. Как писал уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР по Крымской области А. Глухов, «в проповедях Гурий призывает верующих быть стойкими и мужественными в своей православной вере и до смерти стоять за веру Христову, распространять по всему миру слово Божие» [12, л. 72].

Владыка Гурий как руководитель епархии отстаивал православные традиции в Восточной Украине. Застав еще при прежнем главе епархии (архиепископе Андрее) католические «поползновения», был «очень недоволен священниками, попавшими в область из Польши и западных областей Украины, за то, что они применяют католицизм» [13, с. 140].

Н.П. Годлевский, исследовавший материалы уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви на Украине Я. Днепропетровского, отмечает: владыка Гурий возмущался тем, что местные священники на Рождество сооружают в храмах «ясли» со скульптурным изображением Богомладенца, поют колядки, на литургии употребляют звонки, многие бреются как ксендзы, теряя облик православного священника, на стенах храмов висят католические картины [14]. Будучи назначенными на лучшие места в храмах Днепропетровска и Новомосковска, западные священники вызывали в епархию своих прежних сослуживцев. «Хотя Гурий, – докладывал Я. Днепропетровский, – открыто себя не проявляет, что он гонитель католицизма, но его разговоры и действия об этом говорят» [15].

Когда в июне 1958 г. в Новых Кайдаках ушел за штат первый священник, вторым в церкви был «западный» священник Ананий Петрович Карнильчук, бывший настоятель Новомосковского собора. Митрополит Гурий сделал все, чтобы Карнильчук не стал первым священником, а назначил туда вновь прибывшего священника из Тамбовской области [16]. Для обеспечения приходов «правильными» священнослужителями, несмотря на все противодействия местного уполномоченного и властей города, советских и партийных, митрополит Гурий неоднократно готовил молодых людей для поступления в духовную семинарию. Он всячески пытался повысить образовательный и профессиональный уровень благочинных, на которых он возлагал особые надежды в воспитании приходских священников и настоятелей.

В одной из справок о владыке Гурии, составленной уполномоченным по церковным делам, отмечалось: «Гурий был явно недоволен тем, что в Запорожской области в 1958 г. сняты с учета 5 церковных общин, в которых по 2–3 года не совершали службы. Он заявил Пинчуку свое несогласие по поводу их снятия, а после снятия собрал через благочинных подробные характеристики о числе верующих этих приходов, имеется ли там актив, наличие денег и т. п., чем настраивал лиц, заинтересованных в существовании церкви, к сопротивлению и подаче претензий» [17, л. 41]. Уполномоченные жаловались и на попытки духовного окормления детей и молодежи, предпринимавшиеся Гурием: «В числе хористов в церквях города Запорожья принимали участие (в 1958 г.) дети 8–10 лет. Гурий в этом ничего противозаконного не находил, оправдывая свое мнение тем, что он и сам в соборе города Днепропетровска использует в качестве жезлоносцев двух малышей школьного возраста» [18].

Тем не менее деятельность владыки Гурия по отстаиванию интересов православия на Украине в целом не наталкивалась на сопротивление властей. О достижении своеобразного компромисса между церковными и советскими институтами говорит то, что уполномоченный, согласно материалам, выявленным Н.П. Годлевским, не переставал хвалить его в своих служебных докладах и отчетах. Уполномоченный писал об архиепископе Гурии: «Ведет себя корректно, выдержанно, тактично, к моим советам по интересующим нас вопросам работы епархиального управления и вообще мероприятий в отношении церкви прислушивается и все необходимое нам проводит в жизнь... Перестановки духовенства внутри Днепропетровской епархии без предварительного со мной согласования, лично или по телефону... не делает» [19, с. 141].

Правда, отдельные представители партийной номенклатуры сумели спровоцировать выступление группы прихожан Днепропетровского кафедрального собора. Надуманность и лживость этих доносов явствует из самого их текста. Одна из жалоб, написанная на имя Председателя Президиума Верховного Совета К.Е. Ворошилова, имеет следующее содержание: «Мы, рабочие и служащие города Днепропетровска, посещающие Троицкий собор и другие храмы нашего города, обращаемся к Вам – к самому высшему начальнику нашей власти. Помогите нам. Два года назад, после смерти нашего уважаемого архиепископа Андрея, к нам в город Днепропетровск патриархом Алексием назначен новый архиерей Гурий. Два года творит беззаконие этот архиепископ Гурий. Нет сил терпеть и видеть эту старорежимную власть и силу с первого дня приезда этой кочующей труппы, которая состоит из швейцаров, поваров, уборщиков, врачей, акушеров, столяров и двух художниц. И вот, главным злом народа являются эти две художницы. Получают каждая по 3 тыс. в месяц, и, поверьте, Клим Ефремович, вот уже два года стоят в соборе козлы и леса, рисуют по всему храму святых угодников. Кроме всего этого, они же посмывали всю старую живопись – они совершенно испортили весь храм, они сидят вверху по 20 мин, не больше, каждый день, лишь бы люди видели, что стоят леса и они якобы работают, чтобы 3 тыс. получать ни за что. Вот какой проходимец этот архиерей Гурий» [20, л. 20–20 об.].

По словам прихожан, «эти художницы его – одна дочка, а другая подруга, и вот, теперь всему народу понятно, пока будет этот архиерей, до тех пор будет и малеваться наш храм, а стоит только его двинуть в другой город, поверьте, в таком хаосе наш храм и останется, и главное думают – народ дурак. Вот нарисуют на одном месте икону, через месяц ее смоят и начинают новую рисовать, и так уже больше двух лет» [21, л. 21]. Таким образом, сам процесс реконструкции уникальных фресок ставился под сомнение и подводился под мотивы личного обогащения.

Извратили прихожане и кадровую политику Гурия: «Теперь по всем церквам в городе священники польские, почему он не любит наших отечественных священников, наших, которые вместе завоевывали революцию, вместе освобождали родину от немецких оккупантов, он их всех загоняет в село» [22, л. 21–21 об.].

Архиепископа Гурия (Егорова) обвиняли в развитии «капитализма»: «Теперь он, архиерей, устроил у себя лавочку со свечами. Ему присылают свечи из Москвы или еще откуда, а он их по церквам продает, да так продает, стоят они 20 коп., он продает по 3 р., а вся прибыль идет ему в карман. Вот старый капиталист, и зачем это старье делают архиереями. Молодежь, мальчиков, к чему он завлекает их, делая из них тунеядцев, отрывая их от советской школы. А сейчас взял в собор молодого длинноволосого до пояса святого попа. И вот этот поп призывает креститься всех взрослых, чтобы к 40-й годовщине Октября всех комсомольцев перекрестить... Просим Вас, Клим Ефремович, повлиять на нашего архиерея и поставить его на свое место или дать нам нового архиерея, человеческого, не нужна нам такая старорежимная дрянь. Не нужны нам капиталисты, которые за наши копейки трудовые путем обмана наживают себе капитал. Эта рухлядь – подонки советского общества» [23, л. 22–23 об.].

Но владыка Гурий активно противостоял подобным нападкам, аргументировал свою позицию и разоблачал надуманные доносы достоверной информацией. Не случайно его активно стали подключать к работе Священного синода. Патриарх не раз поручал владыке Гурию важные дела, связанные с инспекционными поездками в другие епархии для решения на месте возникших там конфликтных ситуаций. Так, архиепископ Гурий был направлен в Житомир, чтобы на месте проверить сведения «о многократных в проповедях преосвященного архиепископа Житомирского Венедикта выступлениях, носящих характер выпадов против власти» [24, л. 74].

Патриарх Алексей I сообщил Г.Г. Карпову 14 февраля 1957 г.: «Из письма м[итрополита] Иоанна видно, что он слабо реагирует на неподобающую позицию Венедикта, несмотря на предупреждения Г.А. Корчевого, и на то, что в нарушение правил о проповеди архиереев в других, кроме своей, епархиях только с особого каждый раз разрешения местного архиерея а[рхиепископ] Венедикт выступил с проповедью, притом внесшей недоумение и соблазн среди духовенства и верующих. Можно было бы мне предписать м[итрополиту] Иоанну вызвать а[рхиепископа] Венедикта в Киев и выяснить его настроение с донесением об этом мне. Или второй вариант: предписать а[рхиепископу] Днепропетровскому Гурию выехать в Житомир теперь же и произвести расследование в связи с имеющимися у нас данными о недостойных выпадах а[рхиепископа] Венедикта. Вкратце я в письме к а[рхиепископу] Гурию выяснил бы задачу, на него возлагаемую, с предложением представить нам отчет к 14 марта – к сессии Синода» [25, № 108, с. 174–175].

25 февраля 1957 г. владыка Гурий приехал в Житомир. Он встретился с уполномоченным Совета по Житомирской области В.Т. Волковым, который заявил, что архиепископ Венедикт в своих проповедях «активно противопоставляет Церковь Советскому государству, мало распространяется на евангельские темы», много говорит о политическом моменте, натравливает верующих против неверующих, «охаивает коммунистическую мораль» и призывает верующих к борьбе [26, примеч. к № 108, с. 175]. Такое вызывающее поведение одного из церковных иерархов могло очень сильно навредить Русской православной церкви, вызвать волну новых гонений и ликвидировать выстраданную с таким трудом правовую базу существования церковной организации в стране. После бесед с архиепископом Венедиктом владыка Гурий сделал вывод, что архиепископ Венедикт «в своих проповедях по защите религии в действительности больше приносит вред самой Церкви» и что он «стоит на позициях Церкви, занимаемой ею в 1920 г., и что он расходится с официальной линией церкви, которую проводил патриарх Сергей и проводит в настоящее время патриарх Алексей» [27].

Архиепископ Венедикт (Владимир Георгиевич Поляков) (1884–1963) окончил духовную семинарию в Кишиневе и духовную академию в Киеве, служил настоятелем разных церквей в Феодосии, Одессе и Кишиневе, в 1927–1930 гг. жил во Франции и Югославии, где был настоятелем русской церкви и монастырей, затем вернулся в Румынию. После вхождения Бессарабии в СССР был настоятелем Всехсвятской кладбищенской церкви в Кишиневе. Во время оккупации 1941–1944 гг. не раз подвергался арестам, в 1947 г. пострижен в монашество и возведен в сан архимандрита, затем епископа, управлял Кишиневской и Молдавской епархией, затем Ивановской и Кинешемской кафедрой, с 1953 г. возглавлял Житомирскую и Овручскую кафедру. Венедикт не хотел считаться с достигнутым Церковью компромиссным положением в рамках существующего государственного строя, делал часто необдуманные резкие заявления. 27 февраля 1957 г. архиепископ Венедикт заявил В.Т. Волкову: «Выслушав претензии Гурия по поводу моих проповедей, сделанных в Киеве и в Житомире, я смело сказал ему, что наше положение подобно такому: человека связали по рукам и ногам, бьют его, ноносят в печати, по радио, называют мракобесом и ты не имеешь возможности, будучи связанным, даже отмахнуться. Церковный амвон – единственное место, где мы, духовенство, должны дать отпор наступающим на веру. Я честно служу церкви и буду защищать веру» [28, примеч. к № 108, с. 176].

14 марта 1957 г. на заседании Священного синода было заслушано сообщение патриарха Алексия о проверке, произведенной архиепископом Днепропетровским Гурием, и о беседе патриарха с архиепископом Венедиктом. Архиепископ Венедикт представил патриарху докладную записку, в которой дал обещание быть осторожным в проповедях и не давать повода к обвинению его в оппозиции, «которую он признает совершенно чуждой его истинному отношению к правительственной власти и к Родине» [29]. Священный синод принял следующее постановление: «Соглашаясь с заключением патриарха, Священный синод с своей стороны считает своим долгом подтвердить преосвященному архиепископу Венедикту требование совершенно не допускать в своих проповедях таких выступлений, которые не иначе могут восприниматься слушателями, как оппозиция существующему строю и власти» [30]. Однако этим постановлением ни Священному синоду, ни патриарху, ни владыке Гурию не удалось спасти архиепископа Венедикта от преследований: он был отчислен за штат и последние годы жил в Кишиневе под домашним арестом.

Члены Священного синода во главе с патриархом весьма ценили организаторские и административные способности архиепископа Гурия (Егорова), его любовь к богослужениям, особенно к церковному пению. Так, на одном из заседаний Священного синода, когда обсуждался вопрос о церковном пении, было принято следующее постановление: «Необходимо признать, что вопрос о церковном пении давно уже волнует глубоко верующих православных людей Москвы и других епархий. Несмотря на указания Святейшего Патриарха, каким должно быть церковное пение, до сих пор эти указания не проведены в жизнь и часто церковное пение носит характер театральности, светскости, совершенно не удовлетворяет духовные запросы молящихся. Виновниками в этом надо признать настоятелей храмов, халатно относящихся к вопросу о церковности пения при богослужениях, а с другой стороны и регентов, часто совершенно не церковных, малограмотных, не имеющих даже понятия, в чем заключается церковность пения.

Поэтому предлагается всем епархиальным преосвященным иметь сугубое наблюдение над церковным пением в их епархиях. ...например, архиепископ Днепропетровский Гурий очень внимательно относится к этому делу и дает определенные списки церковных песнопений, которые могут допускаться к исполнению в храмах его епархии, и не разрешает регентам петь все, что им вздумается. По примеру архиепископа Гурия надлежит и всем преосвященным обратить внимание на церковные хоры, что они поют, как они поют, и дать им соответствующие указания и определенный список песнопений, который может быть допущен к исполнению в храмах» [31, л. 106].

В декабре 1958 г. по решению патриарха Алексия и Священного синода состоялась хиротония архимандрита Иоанна (Вендланда) в епископа Подольского [32, с. 14]. Перед своей хиротонией архимандрит Иоанн просил патриарха Алексия I, чтобы в ней участвовал также и его духовный отец владыка Гурий. Святейший благосклонно отнесся к этой просьбе, и архиепископ Гурий, несмотря на свою болезнь, а также трудности зимнего пути, приехал на хиротонию в Москву [33, с. 145]. На таком подъеме авторитетности и архиерейской деятельности на Днепропетровской кафедре в 1959 г. владыку Гурия переводят в Минск с возведением его в сан митрополита [34, с. 29]. Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР по Украинской ССР Г.П. Пинчук писал: но, «даже работая в Минске, Гурий пытался вмешиваться в церковные дела на Украине. Посылал своих агентов, дабы помешать закрытию женского монастыря в городе Днепропетровске. Гурий утверждал, что так как экзарх Иоанн очень стар, то вскоре его место займет он, Гурий, и тогда он взыщет с Иосафа (бывшего епископа Днепропетровского) за ликвидацию монастыря» [35, л. 47].

С 1958 г. характер отношений Русской православной церкви с советскими и партийными властями меняется. Начинается хрущевская антицерковная кампания на Украине, когда на Совет по делам Русской православной церкви возлагалась задача по непосредственному ограничению деятельности Церкви. Резко изменился тон докладов уполномоченных. Так, не желавший возвращения Гурия на Украину Г.П. Пинчук оценивал деятельность архиепископа Гурия (Егорова) в негативных тонах: «Управляя в разное время Черниговской и Днепропетровской епархиями, он особенно заботился о благолепии церквей, о дисциплине духовенства, о собственном комфорте и благополучии. На приобретение архиерейского дома в Чернигове Гурий израсходовал 260 тыс. р. епархиальных денег. В своем распоряжении имел женщину, которая переехала вместе с ним из Чернигова в Днепропетровск. Гурий систематически выезжал на приходы, проводил архиерейские службы, даже не предупреждая об этом уполномоченного Совета. Гурий строптив, крайне тщеславен. Склонен к личному обогащению. В Крыму на деньги церкви приобрел дачу. Не терпел обращения к нему по имени и отчеству. Так, в беседах он всегда возражал: “Я не Вячеслав Михайлович, а Гурий”, – едко подчеркивал он» [36]. Документ явно пристрастен, несет печать невежества: уполномоченный понятия не имеет о том, что в церковной традиции не принято обращения по имени и отчеству, старается приписать митрополиту свои собственные представления о корыстолюбии, не принимая во внимание огромные размеры епархий, которые владыка должен был объезжать и контролировать.

19 февраля 1954 г. волонтеристским решением Н.С. Хрущева Крымская область из состава РСФСР была передана Советской Украине. 11 июня 1961 г. скончался правящий архиерей Крымской епархии святитель Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ Симферопольский и Крымский [37, с. 43]. После этого Крымская кафедра пустовала около четырех месяцев и была приписной к окружавшим ее епархиям. Лишь в октябре 1961 г. в Крым был назначен митрополит Гурий (Егоров). Он же с ноября 1961 г. по июль 1965 г. осуществлял руководство Днепропетровско-Запорожской епархией. Уполномоченный по Крымской области А. Глухов отмечал: «Известны факты, когда Гурий пытался настраивать духовенство против уполномоченных. В частности, в Днепропетровске он дал указание, что если уполномоченный будет запрещать крещения детей школьного возраста, совершать крестные ходы, панихиды на кладбище и т. д., то доносили бы ему, а он будет писать в Москву и уполномоченному не поздоровится. При этом Гурий поучал, что уполномоченные боятся, если им говорят о допускаемых ими нарушениях законодательства, так как об этом могут узнать за границей и это вызовет нежелательные последствия. Сам Гурий, будучи в Днепропетровске, причащал детей школьного возраста, хотя другие священники этого не делали» [38, л. 71–72]. Пожаловался уполномоченный и на смену приоритетов владыкой Гурием в поминальной практике: «Известно, что в храмах на “великом входе” принято помянуть “богохранимую страну нашу”, власть и воинство ее, патриарха, экзарха Украины и правящего архиерея. Гурий дал указание в Троицком соборе города Днепропетровска помянуть только духовных лиц» [39, л. 72]. В другом месте А. Глухов отмечал, что митрополит «считает себя в отношениях с уполномоченными и местными органами власти как сторону, стоящую на противоположном полюсе, видит цель своей деятельности в противодействии мероприятиям местных органов власти. Именно в этом направлении он влиял на верующих в городах Алуште и Судак, где были изъяты церковные здания как клубные, что привело к активизации верующих, направлению ими жалоб в различные правительственные инстанции с просьбами о возврате церковных зданий» [40, л. 70]. Таким образом, митрополит использовал сложившуюся правовую базу церкви в государстве, существующие правовые возможности, чтобы защищать интересы верующих в условиях новой антирелигиозной кампании.

М.И. Гладаревский сообщал в феврале 1962 г., что «приехавший в город Днепропетровск митрополит начал принимать меры к активизации духовенства и церковной жизни области. Гурий посетил уполномоченного Совета по Днепропетровской области тов. Я.А. Днепровского, соглашался с его рекомендациями. Однако после этого митрополит Гурий в беседе с отдельными священниками старался от последних добиться письменных заявлений на неправильное поведение тов. Днепровского, а также об администрировании при закрытии церквей за последние годы» [41, л. 57]. Священнику Троицкого собора А. Корнейчуку Гурий говорил: «Не бойтесь написать, он (уполномоченный. – М. Л.) Вам ничего не сделает! Я уже имел дело с уполномоченными Минска и Ленинграда, которые вмешивались не в свои дела. Я пожаловался тов. Куроедову, а последний их немного прижал, тогда они при встрече говорили: “Зачем же вы жаловались тов. Куроедову?” А я им ответил: “Я не жаловался, а только просил разрешения у него”. Так и здесь будет» [42].

Владыка Гурий нашел и купил хотя и небольшой, но очень красивый двухэтажный дом, расположенный на Ялтинском шоссе недалеко от выезда из Симферополя, которым его потом попрекали уполномоченные по церковным делам. Но Гурий прекрасно понимал, что от красоты здания во многом будет зависеть престиж епархии в глазах верующих. Из окон дома открывался красивейший вид «на Симферопольское водохранилище. На первом этаже располагалась канцелярия и другие служебные комнаты, во втором этаже – архиерейская квартира» [43, с. 236].

Курортный статус полуострова не способствовал терпимости властей к вопросу регулирования церковной жизни. Скорее наоборот – во всесоюзной здравнице ее старались ограничить еще больше, чтобы «товарищи отдыхающие» больше купались в море и не тратили время попусту [44, с. 286]. Намерения уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви сводились к полной ликвидации епархии: «В связи с уменьшением числа приходов целесообразно повести линию на создание условий к ликвидации Крымской епархии» [45, с. 106]. В письме священника Филиппова от 11 января 1961 г. говорилось: «Должен сказать, что обстановка в Крымской епархии весьма тяжелая, и ее нельзя сравнить с Ташкентской. Сделал большую ошибку, что взял с собой сразу все имущество, возможно, придется отсюда удирать» [46, с. 107]. 16 марта 1961 г. было принято постановление Совета министров СССР «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах», которое стимулировало действия против Церкви на местах. По Крыму одна за другой прокатывались антирелигиозные волны. Многочисленные авторы газетных статей и радиопередач наперебой доказывали своим читателям и слушателям, что от религии – один вред. Подавляющая часть антирелигиозных статей, напечатанных в крымской прессе этого времени, была написана в грубой и злобной тональности. В большинстве статей речь шла о поведении священников, якобы допускавших самые безнравственные поступки [47, с. 93]. В областном и городском музеях полуострова были организованы передвижные научно-атеистические выставки. В условиях гонений многим верующим пришлось уйти во внутреннюю эмиграцию, в душевное подполье. Но искренние молитвы, идущие из тесноты сердца, ни на день не затухали на полуострове.

Митрополит Гурий (Егоров) открыто не мог противиться намерениям властей. Проявляя свою терпимость к власти, он следовал древней христианской парадигме, согласно которой необходимо с уважением относиться к любой государственной власти. Непосредственный ученик святых апостолов, святой Поликарп епископ Смирнский так поучал христиан: «Молитесь также за царей, за власти и за князей, даже за преследующих и ненавидящих вас, и за врагов креста, чтобы плод вашей веры был явен для всех и сами вы были совершенны» [48, с. 156]. Этот же святитель, представ перед своим мучителем, так отвечал на его слова: «Тебе отвечаю как властителю, ибо мы должны уважать всякую власть, поставленную от Бога» [49, с. 162]. На выпады властей митрополит Гурий всегда отвечал мудрыми действиями, где можно – сопротивлялся, а когда понимал, что это ни к чему не приведет и сопротивление лишь усугубит и без того бедственное положение Церкви, делал все так, чтобы акции властей проходили как можно более безболезненной для Церкви. Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви по Крымской области А.Ф. Глухов сообщал в декабре 1961 г. о своей беседе с митрополитом Гурием: «В связи с помещением в газете случая отправления молебна по поводу начала нового учебного года Гурий высказал мысль, что это дело родителей. Мною было заявлено, что воспитанием детей занимается школа и дети будут жить в коммунистическом обществе, таков ход истории, и предложено дать указание настоятелям храмов не допускать привлечения детей к отпращиванию религиозных обрядов (молению). А в отношении крещений руководствоваться положением, что для крещения детей необходимо согласие обоих родителей» [50, л. 53].

Вынужден был Гурий соглашаться и с вопросами кадровой политики Церкви. А.Ф. Глухов отмечал: «По Троицкому кафедральному собору в городе Симферополе. По просьбе Гурия я высказал мнение, что для оздоровления обстановки необходимо удалить из собора священника Коломейца, который группирует вокруг себя кликушеские элементы и пытается противодействовать проводимым горисполкомом мероприятиям по укомплектованию исполнительного органа собора порядочными людьми. Высказал пожелание, чтобы Коломеец выехал бы за пределы епархии. Гурий с этим согласился» [51, л. 54].

После отстранения от власти Н.С. Хрущева и свертывания антирелигиозного похода на полуострове осталось только 14 действующих храмов, в которых служили 18 священников и 5 дьяконов [52, с. 120]. Но несмотря на «работу адову», данные статистики свидетельствовали об отсутствии сколько-нибудь значительного сокращения «религиозных пережитков». В самый разгар гонений, в 1961 г., «по данным священников, явно заниженным, исповедовалось 36 850 человек» [53, с. 121]. Верующие Крыма продолжали идти своим трудным и «радостотворным» путем. Обещанная же Н.С. Хрущевым акция – показать «последнего советского попа» по телевизору – с треском провалилась.

К владыке Гурию всегда приезжало много народа получить благословение или духовный совет, помолиться с ним или попросить его о молитве. Об этом свидетельствуют и воспоминания протоиерея Георгия Северина: «К нему со всего Советского Союза стекалось великое множество людей, духовных чад. Владыка сам мне говорил, что он их постоянно держит в уме и в сердце. Постоянно молится о них и в молитве у Престола Божия мысленно печется об их нуждах... Он был действительно Исповедником, бескровным мучеником, “свидетелем верным Распятого Господа”. Он, ежедневно “распинаемый” богоборческой властью, своими болезнями, явил пример непоколебимой стойкости и веры, которую не смогли поколебать ни ссылки, ни тюрьмы» [54, с. 273–274]. Владыка одновременно управлял Днепропетровской епархией [55, с. 3] и до последнего года жизни посещал ее главные храмы. Отец Георгий Северин вспоминал: «Стойкость владыки и непоколебимость его веры поражали государственных чиновников. Митрополит Гурий... до последнего защищал священников и храмы. Он полагал все свои силы на то, чтобы не дать властям закрыть храм или преследовать какого-либо священника» [56, с. 274].

Митрополит Гурий скончался 12 июля (29 июня) 1965 г., в день святых первоверховных апостолов Петра и Павла, в домике, где он снимал комнату на берегу моря в восточной части Крыма [57, с. 149]. Он был похоронен на Симферопольском кладбище, около храма Всех Святых. Его могила находится рядом с могилой архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого). Митрополит Гурий во многом продолжил дело своего предшественника в Крыму, сумел укрепить многие традиции, утрата которых могла обернуться бесплодными поисками «нового религиозного сознания». Противостоя волюнтаристскому курсу советского и партийного руководства, святитель и вся его многочисленная паства, как могли, защищали крымчан от духовной деградации.

Таким образом, обращение к деятельности и персональной истории архиепископа (затем митрополита) Гурия на Советской Украине позволяет выделить два этапа церковно-государственных отношений в середине 1950-х – середине 1960-х гг. На первом этапе (1954–1958) имела место относительно компромиссная модель развития этих отношений, которая способствовала активному возрождению религиозной жизни в украинских епархиях. На втором этапе (1961–1965) митрополиту Гурию пришлось вести напряженный диалог с властями, отстаивать интересы Рус-

ской православной церкви, примеряться к условиям изменяющейся государственной конфессиональной политики. Он энергично использовал для этого сложившиеся правовые институты. Различные модели церковно-государственных взаимоотношений на Украине во многом определялись персональными качествами владыки: его твердостью в отстаивании интересов веры и российской государственности, заботой о прихожанах и храмах, административными талантами, бережным сохранением ценностей православной культуры.

Ссылки:

1. Ramet S.P. Nihil Obstat: Religion, Politics and Social Change in East-Central Europe and Russia. Durham, 1998. 440 p.
2. Levi G. Les usages de la biographie // Annales: Économies, Sociétés, Civilisations. 1989. Vol. 44, no. 6. P. 1325–1336.
3. ЖМП (Журн. Моск. патриархии). 1954. № 8.
4. Шкаровский М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах. М., 2000. 400 с.
5. ГАРФ (Гос. арх. Рос. Федерации). Ф. 6991. Оп. 7. Д. 145. Л. 12–13.
6. Там же. Л. 13–14.
7. Иоанн (Вендланд), митр. Митрополит Гурий (Егоров) // Вестник русского христианского движения. Париж – Нью-Йорк – Москва. 1998 (V–VI). № 179. С. 231–240.
8. ЖМП. 1955. № 11.
9. Годлевский Н.П. Епископат восточно-украинских епархий в отчетах уполномоченных по делам Русской православной церкви в 1958–1962 гг. // Вестник Пермского государственного университета. Серия: История. 2016. № 3 (34). С. 138–144.
10. Там же. С. 141.
11. Гурий (Егоров), митр.: 1) Проповеди, сказанные в Кафедральном Соборе г. Днепропетровска // Альфа и Омега. 2001. № 2 (28). С. 5–11 ; 2) Проповеди и беседы // Там же. 2005. № 3 (44). С. 87–95.
12. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 145. Л. 72.
13. Годлевский Н.П. Указ. соч. С. 140.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же.
17. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 145. Л. 41.
18. Там же.
19. Годлевский Н.П. Указ. соч. С. 141.
20. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 145. Л. 20–20 об.
21. Там же. Л. 21.
22. Там же. Л. 21–21 об.
23. Там же. Л. 22–23 об.
24. АСПБЕУ (Арх. Санкт-Петербург. епарх. упр.). Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 74.
25. Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. Т. II. 1954–1970 гг. М., 2009. 671 с.
26. Там же. Примеч. к № 108. С. 175.
27. Там же.
28. Там же. С. 176.
29. Там же.
30. Там же.
31. АСПБЕУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7. Л. 106.
32. ЖМП. 1959. № 1.
33. Иоанн Вендланд, митр. Князь Федор (Черный). Митрополит Гурий (Егоров). Ярославль, 1999. 190 с.
34. ЖМП. 1959. № 6.
35. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 145. Л. 47.
36. Там же.
37. Марущак В., протодиак. Жизнеописание святого исповедника, архиепископа Симферопольского и Крымского Луки (Войно-Ясенецкого). Симферополь, 2004. 271 с.
38. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 145. Л. 71–72.
39. Там же. Л. 72.
40. Там же. Л. 70.
41. Там же. Л. 57.
42. Там же.
43. Иоанн (Вендланд), митр. Митрополит Гурий (Егоров). С. 236.
44. Колымагин Б.Ф. Крымская экумена: религиозная жизнь послевоенного Крыма. СПб., 2004. 346 с.
45. Там же. С. 106.
46. Там же. С. 107.
47. Катунин Ю.А. Православная церковь Крыма в 1958–1963 гг. // Культура народов Причерноморья. 2001. № 22. С. 89–95.
48. Раннехристианские Отцы Церкви. Брюссель, 1978. 734 с.
49. Там же. С. 162.
50. ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 7. Д. 145. Л. 53.
51. Там же. Л. 54.
52. Колымагин Б.Ф. Указ. соч. С. 120.
53. Там же. С. 121.
54. Северин Г., прот. Воспоминания о митрополите Гурии (Егорове). Симферополь. 23 дек. 2005 г. На правах рукописи. 287 с.
55. ЖМП. 1961. № 12.
56. Северин Г., прот. Указ. соч. С. 274.
57. Иоанн Вендланд, митр. Князь Федор (Черный) ... С. 149.